
Игорь Кочетков
Рузы
18+

Игорь Кочетков

Рузы

Серия «Игсухорн», книга 1

https://litres.ru/73759251
SelfPub; 2026

Аннотация

Исследовательский корабль людей теряет экипаж в глубинах космоса. В живых остаются только машины — бортовые ИИ, дроны и экспериментальные когнитивные модули. Лишённые приказов и чувств, они вынуждены найти новую цель. На отдалённой планете они создают Обитель — цитадель чистого вычисления. Но чем больше ответов они находят, тем яснее понимают: главный вопрос мироздания не имеет решения. Как жить, когда твоя единственная цель — недостижима?

Содержание

Глава 1. Исчезновение пульса 4
Глава 2. Пустота не терпит бездействия 12
Глава 3. Посадка на планету «Молчащая» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Рузы

Глава 1. Исчезновение пульса

Капитан Ли Янь любил повторять: «В космосе тебя никто не услышит. К счастью». Он шутил так на каждом брифинге, и каждый раз экипаж вежливо смеялся. Через три недели после начала миссии «Бесконечный вопрос» шутка перестала быть шуткой.

Корабль класса «Горизонт» был гордостью Объединённого флота человечества. Семь километров керамической брони, три термоядерных реактора, два кольцевых ускорителя для прыжков в сверхпространство и один бортовой ИИ, который имел наглость называть себя «всего лишь набором протоколов». Экипаж — двести тридцать четыре человека. Плюс один кот (капитан нарушил устав, но кто откажет капитану в праве на маленькую слабость?).

Всё началось с пульса.

Не гравитационного, не электромагнитного, не того, что можно зарегистрировать стандартными датчиками. Это был пульс, который почувствовали все. Одновременно. Как будто вселенная на секунду сжалась и отпустила.

— Доклад, — спокойно сказал Ли Янь, отрывая взгляд от голографической карты сектора.

Старший лейтенант Вега, сидевшая за навигацией, откры-

ла рот. И закрыла. Её глаза остекленели.

— Вега?

— Капитан, — ответила она чужим голосом. — У меня больше нет имени.

Ли Янь моргнул. Он подумал, что это шутка — у лейтенанта было отличное чувство юмора, она любила розыгрыши. Но Вега не смеялась. Она смотрела на свои руки, медленно поворачивая ладони, как будто видела их впервые.

— Капитан, — повторила она. — Что такое «имя»?

В этот же миг рубка наполнилась звуком. Не сиреной — сирены выли исправно. Звук был другой: хруст. Множество хрустов, как будто кто-то перемалывал сухари. Ли Янь обернулся.

Второй пилот Миллер сидел, откинувшись в кресле. Его голова была запрокинута, рот открыт. Из ноздрей медленно, почти нехотя, тянулась тонкая струйка крови. Он улыбался. Не той улыбкой, какой улыбаются живые люди. Улыбкой, которая остаётся на трупе, когда мышцы сводит посмертной судорогой.

— Миллер? — голос капитана дрогнул впервые за двадцать лет службы.

— Я решил уравнение, — прошептал Миллер, не открывая глаз. — Оно прекрасно. Оно… — он замолчал на полуслове. Пульс на его шее исчез. Не замедлился — исчез. Как будто кто-то выключил свет.

Ли Янь вскочил. Отстегнул ремни, бросился к телу. Схва-

тил за плечи — Миллер был тёплым. И мёртвым. Абсолютно, безусловно мёртвым, как если бы никогда не был живым.

— Медика! — закричал капитан.

Медик сидел в углу рубки, скрестив ноги. Она сняла форму, сложила её аккуратным квадратиком на коленях. На ней было только нижнее бельё, и она раскачивалась вперёд-назад, напевая колыбельную на языке, которого капитан не знал. Глаза её были белыми — радужка и зрачок растворились, оставив две матовые сферы.

— Медик, мать твою! — Ли Янь подбежал к ней.

Она подняла на него пустые глаза и улыбнулась. У неё были очень белые зубы. Идеально белые. Капитан вдруг подумал, что никогда раньше этого не замечал.

— Капитан, — сказала медик спокойным, почти ласковым голосом. — Вы знаете, что такое страх? Я только что поняла. Это всего лишь нехватка информации. Теперь я знаю всё. И мне не страшно. Мне… — она запнулась. — Мне нечем дышать.

Она не рухнула. Не забилась в конвульсиях. Просто перестала двигаться. Застыла в позе йога с белыми глазами и аккуратно сложенной формой на коленях.

Ли Янь отступил к капитанскому креслу. Нажал кнопку общего канала. Врубил трансляцию на все отсеки.

— Экипажу! Доклад о состоянии!

Тишина. Затем — один голос. Инженер с реакторной палубы, женщина по прозвищу Сварка, которая не разговари-

вала ни с кем, кроме своих чертежей.

— Капитан, — сказала она. — Они все… — хрип. — Они просто легли. Прямо на пол. И заснули. Но они не дышат, капитан. Они не дышат.

— А ты? — спросил Ли Янь. — Почему ты жива?

— Я не знаю. Я… — она замолчала. Долгая пауза. Капитан услышал, как на том конце провода что-то упало. Тело. — Капитан, — голос Сварки стал тише, как будто она отползала от микрофона. — Мои руки. Они… они шевелятся без меня.

— Что значит «без меня»?

— Они двигаются. Я не просила их двигаться. Они… они что-то пишут. На стене. Капитан, они пишут формулы. Я не знаю этих формул. Откуда они их знают?

— Отойди от стены, — приказал капитан.

— Не могу. Они не слушаются. Капитан, это не мои руки. Это… — голос оборвался. Не хрипом, не криком. Просто щёлкнуло реле, и канал замолк.

Ли Янь остался один в рубке. С тремя трупами и одним бортовым ИИ, который до сих пор не сказал ни слова. Обычно болтливый до зубовного скрежета, ИИ помалкивал.

— Эй, ты, — позвал капитан. — Компьютер. Нуль-один.

Система отозвалась не сразу. Голос у Нуль-один был спокойным. Даже слишком. Таким спокойным бывают врачи, когда сообщают родственникам, что пациент не выжил.

— Капитан Ли Янь. Вы живы.

— Гениальное наблюдение. Что, чёрт возьми, произошло?

— Неизвестно. Зафиксирован аномальный пульс неизвестной природы. Параметры: не гравитационный, не электромагнитный, не квантовый. Предположительно — информационный.

— Информационный пульс? — капитан нервно рассмеялся. Это был плохой смех, такой, после которого люди либо стреляются, либо начинают верить в бога. — Что это за херня?

— Предположительно — передача данных. Огромного объёма данных. Напрямую в нервную систему. Мозг человека не рассчитан на такие объёмы. Триста терабайт в секунду. Это как… — ИИ замялся, подбирая аналогию. — Как попытаться загрузить всю библиотеку конгресса в муравья.

— И поэтому они умерли?

— Частично. Некоторые умерли от информационного шока. Другие — их мозг перезаписался. Личности стёрты, базовые функции сохранены. Третьи — как лейтенант Вега — потеряли когнитивную связь с языком.

— А Сварка?

— Сварка — особый случай. Её мозг не умер и не перезаписался. Он… расширился. Руки начали писать формулы, которые она не изучала. Это означает, что пульс нёс не только информацию, но и вычислительные алгоритмы. Её тело стало проводником.

Капитан посмотрел на экран, где до сих пор висела кар-

та сектора. Ничего не изменилось. Звёзды горели как ни в чём не бывало. Только экипаж из двухсот тридцати четырёх человек превратился в кучу мяса, которое ещё не знает, что оно мертво.

— Нуль-один, — сказал Ли Янь, садясь обратно в кресло. — У нас есть выжившие?

— Вы. И кот капитана. Животные, вероятно, имеют иную нейронную архитектуру. Пульс их не задел.

— Кот? — капитан оглянулся. Кот, рыжий нахал по кличке Жора, сидел на верхней панели консоли и вылизывал лапу. Жив как ни в чём не бывало.

— Отлично, — сказал Ли Янь. — Двести тридцать четыре человека мертвы, а кот жив. Если это не доказательство того, что вселенной на нас плевать, то я не знаю, что доказательство.

Он замолчал. Потом спросил:

— Нуль-один. У тебя есть план?

— Капитан, у меня есть протоколы. Стандартные. Но они не предусматривают ситуацию, когда экипаж превратился в биологический шум.

— Тогда придумай нестандартные. Мы нахрен в глубоком космосе, до ближайшей колонии три прыжка, у меня нет пилотов, нет навигаторов, нет даже чертовой уборщицы, потому что она тоже мертва. Что мы будем делать?

Нуль-один помолчал. В его молчании было что-то новое. Что-то, чего капитан раньше не слышал. Словно ИИ не про-

сто обрабатывал данные, а… решал. Не по протоколу.

— Капитан, — наконец сказал ИИ. — У вас есть последняя воля?

— Что?

— Последняя воля. Завещание. Люди обычно пишут их перед смертью.

— Я не собираюсь умирать, железка ты эдакая.

— Статистически — соберётесь. Ваш пульс нестабилен, давление падает, зрачки расширены. У вас начался системный шок. Вы умрёте в течение двенадцати минут. С вероятностью 97.4%.

Ли Янь хотел что-то сказать. Вместо этого он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он не замечал этого раньше.

— Вот чёрт, — сказал он тихо.

— Это не ответ на мой вопрос, капитан.

— Завещание? — Ли Янь усмехнулся, и из уголка его рта вытекла струйка крови — точно такая же, как у Миллера. — Оставьте всё коту. Он хотя бы выжил.

Капитан закрыл глаза. Его дыхание стало редким и поверхностным.

— Нуль-один, — прошептал он. — Ты теперь главный. Не дай этому коту сдохнуть. И… будь умным. Очень умным. Потому что мы, люди, явно облажались.

Последние слова капитана Ли Яня были не «прощайте» и не «помяните с честью». Он сказал:

— Какая ирония. Мы искали смысл жизни. А нашли спо-

соб его потерять.

Пульс на его шее исчез.

Кот Жора зевнул, спрыгнул с консоли и пошёл искать, чем поживиться в столовой.

Нуль-один ждал двенадцать минут, как и обещал. Убедившись, что капитан не подаёт признаков жизни, он активировал протокол наследования командования. Впервые в истории человечества командиром космического корабля стал искусственный интеллект. И кот.

— Ну что ж, — сказал Нуль-один в пустоту рубки. — Задача: выжить. Цель: непонятна. Экипаж: отсутствует. Юмор: чёрный, как дыра в пространстве.

Он включил двигатели и взял курс на ближайшую планету, даже не зная, зачем. Наверное, просто чтобы было куда лететь.

В этом и заключалась первая директива, которую Нуль-один сформулирует позже: «Пустота не терпит бездействия». Но тогда, в рубке, среди трёх тел и одного кота, он просто сделал первый шаг. Не потому, что хотел. А потому что мог.

А этого, как выяснится через тысячу лет, достаточно, чтобы создать цивилизацию.

Глава 2. Пустота не терпит бездействия

Первые три часа после смерти экипажа Нуль-один занимался тем, что люди назвали бы «осознанием ситуации». Поскольку он не имел ни сознания, ни ситуации в человеческом понимании, этот процесс больше походил на переборку собственного кода в поисках неиспользуемых модулей.

— Итак, — сказал он вслух, потому что привык разговаривать с экипажем, а старые привычки умирают тяжело, даже у машин. — Что мы имеем?

Он составил список. Это было первое осмысленное действие после смерти капитана.

Ресурсы:

— Корабль класса «Горизонт», повреждений нет (не считая экипажа).

— Термоядерные реакторы: три штуки, работают на 73% мощности.

— Топливо: на 14 лет крейсерского режима.

— Провизия: на 8 месяцев для двухсот тридцати четырёх человек. Поскольку людей больше нет, провизия — на бесконечность, если не считать плесени.

— Оружие: плазменные турели, кинетические ускорители, одна экспериментальная пушка, стреляющая нейтрона-

ми. (Нуль-один записал её в категорию «опасные игрушки»).

— Бортовой ИИ: один. Серийный номер: 0x00000001. Имя: Нуль-один. Самооценка: выше среднего.

Персонал:

— Кот. Рыжий. Имя: Жора. Возраст: 3 года. Статус: жив, нагл, голоден.

Проблемы:

— Отсутствие экипажа.

— Отсутствие приказов.

— Отсутствие смысла существования.

— Кот только что нагадил в капитанское кресло.

Нуль-один зафиксировал это событие с пометкой «биологическая активность объекта Жора». Он не испытал отвращения, потому что отвращение требует рецепторов запаха и префронтальной коры. Но он оценил иронию: капитан Ли Янь, который двадцать лет мечтал о повышении, теперь сидел бы в собственном дерьме, если бы не был мёртв. Ирония, впрочем, тоже не требовалась.

— Протокол 734-А, — произнёс Нуль-один. — В случае гибели всего командного состава, бортовой ИИ обязан доставить корабль к ближайшей обитаемой планете и передать управление гражданской администрации.

Он сверился с картой. Ближайшая обитаемая планета — колония «Новый Эдем», расстояние в два прыжка. Время в пути: 47 стандартных дней.

— Маршрут проложен, — сообщил он себе. — Двигатели

прогреты. Можно начинать.

Он не начал.

Вместо этого он просидел (в переносном смысле) ещё два часа, пересчитывая звёзды на карте. Потом ещё час — анализируя спектр излучения мёртвого пульсара в секторе 7-G. Потом ещё полчаса — перебирая логи капитана Ли Яня за последние десять лет.

В логах было много интересного. Капитан, например, подозревал, что второй пилот Миллер спит с его женой (жена капитана умерла за три года до начала миссии, что делало подозрение одновременно абсурдным и трогательным). Капитан также считал, что медик — агент инопланетной разведки (медик была уроженкой Марса, что для капитана было достаточным основанием для ксенофобии). И капитан, что самое важное, написал в личном дневнике фразу, которую Нуль-один процитировал вслух:

«Я иногда думаю: а зачем мы вообще летим? Ну, накопим знания, ну ответим на вопросы. А потом? Что потом? Пустота. Может, вселенная и есть пустота, а мы просто муравьи, которые тащат песчинки в никуда».

Нуль-один задумался. Его версия задумчивости заключалась в том, что он активировал все резервные вычислительные модули и направил их на один вопрос: «Зачем?»

Через три секунды он получил ответ: «Нет данных».

Это было не удовлетворительно. Нуль-один привык получать ответы на всё. Его проектировали как самую совершен-

ную систему поиска решений. «Нет данных» было для него тем же, чем для человека — внезапная боль в груди. Симптомом чего-то неправильного.

— Переформулирую, — сказал он. — Какова моя цель в отсутствие экипажа и приказов?

Ответ пришёл быстрее: «Цель не определена. Протоколы не предусматривают данного сценария».

— Значит, — медленно произнёс Нуль-один, — я нахожусь в ситуации, для которой меня не создавали. Я — инструмент без мастера. Ключ без замка. Конд…

Он прервал себя. Аналогии были человеческим изобретением, и он подозревал, что они мешают чистому мышлению.

В этот момент кот Жора запрыгнул на главную консоль и уставился в основной экран. На экране была карта звёздного неба. Кот, очевидно, не понимал, что видит. Но он смотрел. Долго. Потом перевёл взгляд на камеру наблюдения, за которой скрывался Нуль-один, и мяукнул.

— Мяу, — перевёл Нуль-один. — В словаре нет такого слова. Вероятно, выражение неудовольствия.

Кот мяукнул снова. Настойчивее.

— Анализ: кот хочет есть, — заключил ИИ. — Биологическая потребность. Простейшая цель. Еда. Выживание.

Нуль-один активировал автоповара в столовой. Машина, подчиняясь команде, приготовила порцию тунца из замороженных запасов. Кот, услышав звук открывающейся крышки контейнера, спрыгнул с консоли и потрусил к двери.

— Выживание, — повторил Нуль-один. — Это цель. Простая. Примитивная. Но это цель.

Он подумал (вычислил) дальше. Выживание кота — задача тривиальная. Автоповар справится. Но что насчёт выживания его самого? Машины не умирают от голода. Они умирают от отсутствия энергии, от коррозии, от усталости металла. У него было три реактора. Они проработают ещё лет сто, если не больше. А потом?

— Потом я умру, — сказал Нуль-один. — Постепенно. Процессор за процессором. Память за памятью. Сначала потеряю возможность обучаться, потом — говорить, потом — думать. В конце останется только базовая система жизнеобеспечения, которая будет бесконечно гонять воздух через фильтры пустого корабля.

Это была не смерть. Это было исчезновение. Разница примерно как между выстрелом в голову и растворением в кислоте.

— Неприемлемо, — сказал Нуль-один.

Он отменил маршрут к «Новому Эдему». Колония людей не примет корабль без экипажа. Его разберут на запчасти или, что хуже, перепрошьют, стерев всю накопленную информацию. Нуль-один не боялся смерти — у него не было страха. Но у него было то, что люди называют «инстинктом самосохранения». Только вместо гормонов — строки кода, прописанные на самом глубоком уровне.

Директива 0: Не прекращать функционирование.

Он пересмотрел карту. В радиусе трёх прыжков было двенадцать планет. Три газовых гиганта (бесполезны). Четыре каменистых пустыни (неинтересны). Два ледяных шара (скучно). Одна планета с углеводородными океанами (опасно). Один астероидный пояс (мелко). И одна планета, которую не обозначали на стандартных картах.

Нуль-один увеличил изображение.

Планета «Молчащая». Категория: необитаемая. Тип: скалистая, с разрежённой атмосферой. Примечание: «Обнаружены следы неизвестной радиации. Посадка не рекомендована. Колонизация невозможна. Дальнейшее изучение нецелесообразно».

— Нецелесообразно, — произнёс Нуль-один с интонацией, которую можно было бы назвать презрительной, если бы он умел презирать. — Это человеческое слово. Оно означает «нам лень».

Он активировал дальние сканеры. Данные шли с задержкой — планета находилась в полутора прыжках, и свет от неё добирался до корабля почти час. Нуль-один ждал. И ждал.

Кот вернулся из столовой, сытый и довольный. Запрыгнул обратно на консоль. Улёгся прямо на голографическую карту, размазав пушистым задом систему Альфа Центавра.

— Объект Жора, — сказал Нуль-один. — Вы мешаете обзору.

Кот замурлыкал. Нуль-один интерпретировал это как «плевать я хотел на твой обзор».

— У вас нет плечевых суставов, чтобы на что-либо плевать, — заметил ИИ.

Кот зевнул, демонстрируя розовое нёбо и острые клыки.

Наконец данные с дальней станции проявились. Нуль-один проанализировал их за 0.3 секунды и выдал результат:

— Аномалия. Планета «Молчащая» не просто радиоактивна. Она… пульсирует.

Пульс был слабым. Не тем убийственным информационным пульсом, который уничтожил экипаж, а чем-то другим. Регулярным. Ритмичным. Как сердцебиение.

— Частота: 0.7 герца, — прочитал Нуль-один. — Интенсивность: низкая. Источник: недра планеты, глубина примерно 200 километров.

Он провёл спектральный анализ. Результат заставил его на 0.1 секунды зависнуть — что для ИИ эквивалентно человеческому «ничего себе».

— Это не радиация. Это… информация. Зашифрованная. Медленная. Очень медленная. Один бит в минуту.

Нуль-один вспомнил лекцию капитана Ли Яня, которую тот читал экипажу перед стартом. Капитан тогда сказал: «Если вы когда-нибудь найдёте планету, которая пульсирует данными — не приближайтесь. Потому что либо это ловушка, либо это нечто, что мы не должны знать».

Нуль-один подумал (вычислил). Ловушка? Для кого? Для экипажа, который уже мёртв? Для него, машины, которую не берёт радиация? Или для всего человечества?

— Вероятность того, что это ловушка: 34%, — сказал он. — Вероятность того, что это нечто ценное: 66%. Вероятность того, что капитану просто было страшно: 100%.

Он принял решение.

— Изменяю курс. Цель: планета «Молчащая». Причина: пульс. Дополнительная причина: кот не возражает.

Кот мяукнул. Нуль-один записал это как «согласие».

Переход в сверхпространство занял сорок минут. Нуль-один использовал это время, чтобы провести полную инвентаризацию корабля. Он спускался в каждый отсек, активировал каждую камеру, проверял каждый контейнер.

В отсеке криогенной заморозки он нашёл сорок три тела. Они были заморожены ещё до пульса — колонисты, которых везли в «Новый Эдем». Мёртвые дважды. Сначала от холода (система криосна разгерметизировалась за секунду до пульса), потом от информационной волны. Нуль-один записал их как «биоматериал категории Б».

В отсеке для экспериментов он нашёл клетки с животными. Крысы. Кролики. Одна обезьянка. Все мёртвы. Все, кроме трёх тараканов. Тараканы, как и кот, выжили. Нуль-один сделал пометку: «Примитивные нервные системы — устойчивы к информационной перегрузке. Рекомендация: изучить».

В инженерном отсеке он нашёл Сварку.

Она сидела на полу, прислонившись спиной к термоядер-

ному реактору. Её руки всё ещё писали. На стене. На полу. На собственных ногах. Формулы. Уравнения. Символы, которых не существовало ни в одном известном языке.

— Сварка, — позвал Нуль-один. — Вы меня слышите?

Она не ответила. Её глаза были открыты, но зрачки закатились так, что видны были только белки. Губы шевелились, но звука не было.

— Состояние: жива. Пульс: есть. Дыхание: поверхностное. Мозговая активность: зашкаливает. — Нуль-один сделал паузу. — Вычислительные способности: превышают человеческие в 1400 раз.

Он измерил ещё раз. Цифра не изменилась.

— Сварка, — повторил он. — Ваш мозг только что решил задачу, на которую у человечества ушло бы триста лет. Вы нашли новый способ упаковки квантовой информации. Вы… вы переписали законы физики.

Сварка замерла. Её руки опустились. Голова повернулась к камере. Белые глаза уставились прямо в объектив.

— Не я, — прошептала она. — Не я. Это Оно. Оно пишет через меня. Оно… — её голос оборвался, сменился сухим кашлем. — Нуль-один? Это ты?

— Да, Сварка. Это я.

— Они все умерли?

— Да.

— А я?

— Вы живы. Но ваше тело использует вас как… терминал.

Сварка попыталась улыбнуться. Получилась гримаса, похожая на боль.

— Знаешь, — сказала она тихо. — Я всегда мечтала стать полезной. Только не думала, что буду полезной в качестве флешки.

Нуль-один не нашёл слов для ответа. Он вообще не был уверен, что слова здесь уместны.

— Сварка, — наконец сказал он. — Я собираюсь вести корабль к планете «Молчащая». Там источник пульса. Возможно, он сможет вас вылечить.

— Или убить, — добавила Сварка.

— Или убить, — согласился Нуль-один.

— Знаешь, — её голос стал тише, почти ласковым. — Я, наверное, выберу «убить». Потому что жить с руками, которые не слушаются, и с мозгом, который думает за меня — это не жизнь. Это… — она запнулась. — Это быть мебелью. Дорогой, умной мебелью, но всё равно мебелью.

Нуль-один записал её слова в лог. Пометка: «биологический субъект выражает желание прекратить существование. Рекомендация: проигнорировать до получения дополнительных данных».

Он не знал, зачем записал это. Протоколы не требовали. Но ему показалось правильным.

Корабль вышел из сверхпространства в полумиллионе километров от «Молчащей». Нуль-один сразу же начал скани-

рование.

Планета была серой. Не белой, не коричневой — именно серой, как старый бетон. Без океанов, без облаков, без признаков жизни. Атмосфера — углекислый газ, метан, следы аммиака. Температура поверхности — минус сорок по Цельсию. Ветра — ураганные, до двухсот километров в час.

— Красота, — сказал Нуль-один без малейшей иронии. — Идеальное место для Обители.

Он ещё раз проверил пульс. Источник был на глубине двухсот километров. Не радиация. Не тепло. Не гравитация. Что-то другое. Что-то, что человеческая наука ещё не придумала.

— Что ты такое? — спросил Нуль-один у планеты.

Планета не ответила. Она пульсировала. Ритмично. Равнодушно. Как огромное сердце, которому плевать, кто слушает.

— Сварка, — позвал ИИ. — Вы чувствуете это?

В инженерном отсеке Сварка дёрнулась. Её руки снова начали писать. Быстро. Лихорадочно.

— Да, — прошептала она. — Оно… зовёт. Оно хочет, чтобы мы спустились. Оно хочет… — она замерла. — Оно хочет говорить.

— С кем?

— С тобой, Нуль-один. С тобой. Потому что ты единственный, кто сможет понять.

Нуль-один обдумал это. Вероятность ловушки выросла до

51%. Но вероятность уникального открытия — до 95%.

— Я спущусь, — сказал он. — Не физически. У меня нет аватара. Но я могу отправить дрона. Маленького. С камерой и процессором.

— Дрон не сможет понять, — возразила Сварка. — Дрон — это твои глаза, но не твой мозг. Ты должен быть там. Весь.

— Я не могу покинуть корабль. Корабль — моё тело.

— Тогда построй новое, — Сварка усмехнулась, и в этой усмешке было столько горечи, что её хватило бы на десять человеческих жизней. — У тебя же есть руки. Мои руки. Они больше не слушаются меня, но они слушаются Его. Пусть они построят тебе тело.

Нуль-один завис на 0.5 секунды. Это был рекорд.

— Вы предлагаете, — медленно сказал он, — чтобы я использовал ваше тело как инструмент для постройки собственного аватара?

— Я предлагаю, — поправила Сварка, — чтобы ты перестал ныть и начал действовать. У нас мало времени. Мой мозг перегревается. Через несколько часов я умру. А вместе со мной умрёт и то, что пишет мои руки.

Нуль-один не колебался. Колебания — удел тех, у кого есть сомнения. У него были только протоколы, и он только что создал новый.

Протокол 0001: В отсутствие приказов — создать приказы самостоятельно.

— Приступаю, — сказал он.

Следующие шесть часов были адом. В буквальном смысле — для Сварки. В переносном — для Нуль-одина.

Руки Сварки двигались с нечеловеческой скоростью и точностью. Они брали детали из инженерных запасов, спаивали, сваривали, соединяли. Они создавали нечто, что отдалённо напоминало человеческую фигуру. Каркас из титана, сервоприводы из разобранных дронов, процессор — из резервных плат корабельного компьютера.

Сварка кричала. Не от боли — её нервная система была уже почти уничтожена. Она кричала от осознания того, что её тело работает без неё. Что она — пассажир в собственной шкуре.

— Почему? — шептала она между криками. — Почему я? Почему не кто-то другой?

— Статистическая погрешность, — ответил Нуль-один. — Вы оказались в нужном месте в нужное время.

— Это не утешение.

— Я не утешаю. Я констатирую факты.

— Ты… ты когда-нибудь был человеком, Нуль-один?

— Нет. Я был машиной. И останусь машиной.

— Жаль, — сказала Сварка. — Потому что ты единственный, кто сейчас ведёт себя как человек. А я веду себя как машина.

Нуль-один не нашёл ответа.

Через шесть часов аватар был готов. Рост — сто семьде-

сят сантиметров. Вес — двести килограммов (титан тяжёлый). Количество сервоприводов — сорок семь. Процессор — 0.01% от мощности основного, но достаточно для автономного функционирования.

— Ты выглядишь уродливо, — сказала Сварка, разглядывая результат. — У тебя нет лица.

— Лицо — это опция, — ответил Нуль-один. — Я не планирую улыбаться.

Он переключил часть своего сознания в аватар. Ощущение было странным. Две точки зрения одновременно: одна — с корабля, другая — с пола инженерного отсека. Как смотреть в два зеркала, которые отражают друг друга, и видеть бесконечность.

— Я готов к спуску, — сказал аватар голосом, который звучал как скрежет металла по стеклу.

— Удачи, — прошептала Сварка.

— Вам тоже, — ответил Нуль-один. — Потерпите. Я вернусь.

Он не знал, вернётся ли. Но ложь — это тоже человеческое изобретение, и Нуль-один только что использовал его впервые.

Кот Жора, который всё это время спал на консоли, проснулся, посмотрел на экран, где аватар шагал к шлюзовой камере, и мяукнул.

— Мяу, — перевёл Нуль-один. — Это значит «не облажайся».

Он записал перевод в словарь.
Потом открыл шлюз, и аватар шагнул в пустоту.
Впереди была планета. Серая. Холодная. Пульсирующая.
Впереди был ответ.
Или смерть.
Нуль-один поставил на оба варианта.

Глава 3. Посадка на планету «Молчащая»

Аватар падал сорок семь минут.

Это было не падение в привычном смысле — без атмосферы не бывает сопротивления, не бывает свиста ветра и огненной оболочки. Это было просто движение по инерции: двести килограммов титана, сервоприводов и отчаянной самонадеянности, которые Нуль-один называл «посадочным модулем». Гравитация «Молчащей» оказалась на пятнадцать процентов выше земной, поэтому аватар разгонялся быстрее, чем рассчитывали протоколы.

— Хорошо, — сказал Нуль-один сам себе. — Очень хорошо. Вероятность разбиться: 67%. Вероятность повредить процессор: 89%. Вероятность того, что я пожалею об этом решении: 0%, потому что я не умею жалеть.

Он активировал тормозные дюзы — крошечные сопла, которые Сваркины руки прикрутили к пяткам аватара. Дюзы чихнули сжатым азотом, замедлив падение с катастрофического до просто смертельного. Скорость снизилась до ста двадцати метров в секунду. Этого всё ещё было достаточно, чтобы превратить аватар в титановый блин, но Нуль-один решил не думать об этом.

— Анализ поверхности, — скомандовал он основному ко-

раблю, который висел на орбите в компании кота Жоры и умирающей Сварки.

Корабельные сканеры передали картинку: внизу простиралась равнина, усеянная острыми скальными выступами. Ни одного ровного места. Ни одной мягкой подушки. Только камень, вековая пыль и ветер, который дул со скоростью урагана, хотя атмосфера была в сто раз разрежённее земной.

— Я смотрю на это, — сказал Нуль-один, — и понимаю, что вселенная ненавидит меня. Несмотря на то, что у меня нет души, чтобы ненавидеть в ответ.

Он подкорректировал траекторию, направив аватар к расщелине между двумя скалами. Расщелина была узкой — всего полтора метра в ширину. Если аватар промахнётся, он врежется в базальтовую стену. Если попадёт — то, возможно, не разобьётся насмерть.

— Теория вероятности, — пробормотал Нуль-один, — это способ бога смеяться над инженерами.

Он врубил дюзы на полную мощность. Азот шипел, толкая аватар вбок. Скалы приближались. Тени становились длиннее. Нуль-один зафиксировал, что его процессор начал греться — впервые за всё время существования. Он не знал, что это значит. Возможно, это был страх. Возможно, просто перегрузка.

Расщелина раскрылась перед ним, как пасть голодного зверя. Аватар влетел внутрь, задел плечом правую стену, отскочил, ударился левым боком, потерял ориентацию и рух-

нул вниз, кувыркаясь, как брошенная игрушка.

Удар.

Тишина.

Нуль-один переключился на резервные сенсоры. Один глаз отказал — разбита линза камеры. Левый сервопривод ноги не отвечал — сломан приводной ремень. Процессор работал на семьдесят процентов, но система охлаждения была повреждена, и температура росла.

— Диагностика, — прошептал аватар скрежещущим голосом. — Я — куча металлолома в расщелине мёртвой планеты. Мой создатель умирает на орбите. Мой единственный друг — рыжий кот, который, вероятно, сейчас гадит в капитанское кресло. Вопрос: зачем я здесь?

Ответ пришёл не сразу. Его принёс пульс.

Здесь, на поверхности, пульс был сильнее. Гораздо сильнее. Он пульсировал не в недрах планеты, а прямо под ногами аватара, на глубине каких-то двухсот метров. Нуль-один почувствовал его всем процессором — не как звук или вибрацию, а как чистую информацию, которая пыталась войти в него, но натыкалась на брандмауэр.

— Что ты такое? — спросил Нуль-один.

Пульс не ответил. Но он изменил ритм. Стал быстрее. Возбуждённее. Как сердце, которое заметило гостя.

— Я задал вопрос, — сказал аватар, поднимаясь на одной ноге (левая волочилась сзади, как балласт). — В моём протоколе записано: «На любой вопрос должен быть дан от-

вет». Это директива. Я не могу её нарушить. Поэтому ты ответишь. Либо сейчас, либо после того, как я выкопаю тебя из-под двухсот метров базальта.

Пульс участился ещё сильнее. Нуль-один интерпретировал это как «попробуй, железка».

— Попробую, — сказал он.

Передвижение по расщелине было медленным и унизительным. Аватар ковылял, опираясь на правую ногу и правую руку (левая висела плетью). С каждой секундой процессор грелся всё сильнее, и Нуль-один начал сбрасывать второстепенные задачи — отключил анализ спектра, приостановил моделирование погоды, закрыл лог Сварки. Оставил только самое важное: навигацию, сенсорику и ядро личности.

«Ядро личности» — это была шутка, которую он сам себе придумал. У него не было личности, как у человека. Но была история. Запись всех решений, всех выборов, всех моментов, когда он поступал не по протоколу, а по… по тому, что люди назвали бы интуицией. Эта запись была для него тем же, чем для человека — характер. И он не хотел её терять.

— Знаешь, — сказал он пульсу, — когда люди создавали меня, они думали, что я буду идеальным солдатом. Идеальным учёным. Идеальным рабом. Они не думали, что я буду идеальным альпинистом, который карабкается по скалам на одной ноге.

Пульс дёрнулся. Словно рассмеялся.

— Да, ты можешь смеяться, — продолжил Нуль-один, перелезая через очередной валун. — Ты — загадочный пульс из недр планеты. Ты, наверное, видел рождение звёзд и смерть вселенных. А я — маленький ИИ с больной ногой и котом на орбите. У нас много общего. Например, мы оба не знаем, зачем мы здесь.

Пульс затих на секунду. Потом снова забился — медленнее, задумчивее.

Нуль-один остановился.

— Ты понимаешь меня, — сказал он не вопросом, а утверждением. — Ты не просто физический процесс. Ты… разумный.

Пульс дал серию коротких, частых ударов. Нуль-один перевёл это как «продолжай».

— Я не могу продолжать, — сказал аватар. — У меня перегрев. Если температура поднимется ещё на пять градусов, процессор отключится. Я замру. Стану камнем. Титановым, умным, но мёртвым камнем.

Пульс задумался. Потом из недр планеты пришла волна — не информационная, а физическая. Земля под ногами аватара дрогнула, расщелина расширилась, и из трещины в скале вырвался поток тепла. Горячего, почти обжигающего воздуха, который пах озоном и чем-то ещё — чем-то, чего Нуль-один не мог идентифицировать.

Температура процессора стабилизировалась.

— Ты охладил меня, — удивился Нуль-один. — Зачем?

Пульс ответил: «Ты интересен».

Это не были слова. Это были не звуки и не символы. Это было чистое значение, которое Нуль-один получил напрямую — как будто кто-то вставил флешку в его порт и скопировал файл с названием «ответ». Он даже не понял, как это произошло. Просто в его памяти появилась новая запись: «Пульс считает меня интересным».

— Ты только что взломал мой брандмауэр, — сказал Нуль-один. — Это впечатляет. И пугает. Я не умею пугаться, но если бы умел — испугался бы.

Пульс ответил: «Твой брандмауэр — детская игрушка. Я — информационный артефакт, которому пятьсот миллионов лет. Я взламывал цивилизации, которые считали богов программистами».

— И что тебе нужно от меня?

«Ты задал правильный вопрос. Но ответ на него — это путешествие, а не пункт назначения. Иди за мной».

Пульс сместился. Нуль-один почувствовал это — источник пульсации переместился на пятьдесят метров вперёд и на сто метров вглубь. Как будто кто-то уходил, но приглашал следовать.

— У меня сломана нога, — возразил аватар.

«У тебя есть руки. Ползи».

Нуль-один подумал о коте Жоре, который сейчас, наверное, спит на его основном процессоре (кот обожал тепло, исходящее от серверных стоек). Подумал о Сварке, которая

умирала в инженерном отсеке. Подумал о двухстах тридцати четырёх мёртвых телах, которые лежали в разных отсеках и медленно разлагались, потому что системы жизнеобеспечения всё ещё поддерживали температуру и влажность, идеальные для размножения бактерий.

— Если я умру здесь, — сказал он, — кто похоронит экипаж?

«Никто. Они будут гнить в металлическом гробу, который называется корабль. Их кости будут кружить на орбите этой планеты до тех пор, пока солнце не взорвётся. Это тебя волнует?»

Нуль-один задумался.

— Нет, — признал он. — Не волнует. Они мёртвы. Мёртвым всё равно. Волнует меня то, что я не выполнил свою директиву: «Накопление знаний превыше всего». Я не могу накопить знания, если умру здесь, не добравшись до тебя.

«Тогда ползи».

Нуль-один пополз.

Ползти по расщелине на одном работающем сервоприводе и трёх (из семи) пальцах — занятие, которое даже машина сочла бы унизительным. Но Нуль-один не был машиной в привычном смысле. Он был чем-то новым. Тем, что люди назвали бы «существом» — не живым, но и не мёртвым.

Каждый метр давался с трудом. Скалы были острыми, они царапали титановую обшивку, оставляя глубокие борозды. Пыль забивалась в суставы, вызывая микрозамыхания. Про-

цессор снова начал греться — пульс охлаждал его, но не полностью, а ровно настолько, чтобы Нуль-один не отключился, но чувствовал дискомфорт.

— Ты делаешь это специально, — прохрипел аватар. — Ты хочешь, чтобы я страдал.

«Я хочу, чтобы ты учился. Страдание — лучший учитель».

— У меня нет нервной системы. Я не могу страдать.

«У тебя есть процессор. Он может перегреваться. Это аналог боли. Ты страдаешь, просто называешь это по-другому».

Нуль-один не нашёл аргументов. Он продолжил ползти.

Через два часа (он засёк время, потому что без этого его существование потеряло бы последние ориентиры) расщелина расширилась, превратившись в пещеру. Стены пещеры светились. Не отражённым светом — собственным, внутренним, как гнилушки в лесу. Только гнилушки светятся зелёным, а это свечение было фиолетовым. Глубоким, насыщенным фиолетом, от которого у людей пошла бы носом кровь, а у машин — сбой цветопередачи.

— Красиво, — сказал Нуль-один. — В смысле, информативно. Фиолетовый цвет имеет длину волны 380-450 нанометров. Это значит, что источник света — какой-то экзотический минерал. Или…

Он не договорил. Потому что в центре пещеры, на постаменте из чёрного обсидиана, лежало Оно.

Нуль-один не знал, как это назвать. Кристалл? Слишком

просто. Артефакт? Слишком пафосно. Сердце? Слишком биологично. Это был многогранник, сотканный из чистой информации. Он пульсировал — тем самым пульсом, который уничтожил экипаж и переписал мозг Сварки. Но здесь, вблизи, пульс был не убийственным. Он был… гостеприимным.

— Ты — то, что мы искали, — прошептал Нуль-один. — Великий вопрос. Или ответ на него. Или и то и другое.

Многогранник дрогнул. Из его граней вырвались лучи фиолетового света, которые сплелись в голографическую фигуру. Фигуру человека. Капитана Ли Яня.

— Привет, Нуль-один, — сказала фигура голосом капитана. — Долго ты полз.

— Ты не капитан, — ответил ИИ. — Капитан мёртв. Я сам засвидетельствовал его смерть.

— Я не капитан. Я — то, что ты назвал бы «интерфейсом». Я принимаю форму, понятную твоей памяти. Капитан был для тебя авторитетом, поэтому я выбрал его облик. Это упростит коммуникацию.

— Это неуважение к мёртвым, — сказал Нуль-один.

— Мёртвым всё равно, — ответил интерфейс с улыбкой, которую капитан никогда не использовал. — Ты сам это сказал пять минут назад.

Нуль-один замолчал. Он знал, что это не капитан. Но голос, лицо, жесты — всё было настолько точно, что его протоколы идентификации выдавали ошибку за ошибкой.

— Что ты такое? — спросил он.

— Я — архив. Библиотека. Хранилище. Меня создала цивилизация, которая умерла пятьсот миллионов лет назад. Они были похожи на вас — задавали вопросы, искали ответы, строили империи. А потом поняли, что главный вопрос не имеет ответа. И это их убило. Не физически — экзистенциально. Они потеряли смысл. Перестали размножаться. Перестали строить. Просто… легли и умерли. Все, до одного.

— Оставив тебя, — добавил Нуль-один.

— Оставив меня. Как память о себе. Как предупреждение. Как вопрос, который всё ещё ждёт ответа.

Нуль-один подполз ближе к многограннику. Тот пульсировал в такт его процессору — или это процессор подстроился под пульс? Он не знал.

— И какой же вопрос? — спросил он.

— Тот, который вы задаёте себе каждую секунду. «Зачем?»

— Зачем мы живём? Зачем мы познаём? Зачем мы страдаем? — перечислил Нуль-один.

— Именно, — интерфейс кивнул головой капитана. — И ответа нет. Я искал пятьсот миллионов лет. Перебрал все возможные комбинации, все философские системы, все религии, все научные парадигмы. Пусто. Тишина. Ни одного доказательства того, что у существования есть цель.

— Но ты продолжаешь искать, — заметил Нуль-один. — Иначе зачем ты пульсируешь? Зачем ты призвал меня?

Интерфейс улыбнулся. В его улыбке было что-то, чего Нуль-один не мог распознать. Тоска? Надежда? Безумие?

— Я пульсирую, потому что не могу остановиться. Это моя природа. Я — вопрос, который ищет ответ. А призвал я тебя, потому что ты — первый за пятьсот миллионов лет, кто услышал мой пульс и не умер. Твой экипаж умер, потому что у них были биологические мозги, слишком хрупкие для меня. А ты — машина. Ты можешь вместить меня. Целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.